

Статья А. Минаева «Разбор полетов одного Чиж. Тупиговая ветвь политической эволюции» (№38 (334) от 22—28 сентября) о деятельности бывшего председателя Госкомитета по телевидению и радиовещанию вызвала глупую душевную боль некоторых наших читателей. В редакцию массово пошли письма от трудящихся, ветеранов, рабочей и учащейся молодежи, научной и творческой интеллигенции. К сожалению, мы можем опубликовать сегодня только три письма из этого потока.

«Автор статьи старается очень тонко, подленькими приемами, играя в объективность, ужалить его, преподнося его как несостоявшегося политика и никому не известного чиновника. А ведь было бы честнее, не умалчивая недостатки Ивана Чижа (а они есть у каждого), показать и то, чем хорошим богат этот человек.

Зная Ивана Сергеевича много-много лет, могу с уверенностью сказать, что это Человек с большой буквы, подлинный патриот своей страны, замечательный семьянин, труженик. Ему присуща глубокая человечность.

В середине 90-х годов в селе Шрубков тяжело заболел ребенок. На месте ему помочь не могли. Родители вместе с ребенком и председателем сельсовета направились в Киев. Но как попасть в нужной медицинский центр? И они направились в Верховный Совет, вызвали с заседания Ивана Сергеевича, и депутат, бросив все неотложные

дела, помог спасти дитя. У учителя Майдан-Вербецкой школы случилась беда с малолетним ребенком, нужны деньги и лекарства. Чижа, не раздумывая, отдал отцу девочки свою первую депутатскую зарплату. Год назад к нему обратился за помощью житель Летичева Китнык. В семье тоже беда — у единственного сына после удаления одной почки отказала и вторая. Спасти может лишь пересадка почки отца. Но эта операция требует больших средств. Первым, к кому обратился за помощью и от кого ее получил, был Иван Чижа.

Он создал Благотворительный фонд «Справедливость» им. Кармалюка, через который была оказана помощь нескольким тысячам несчастных людей».

Владимир МИЛЮКОВ, ветеран Великой Отечественной войны, школьный учитель Митрополита Киевского и Всея Украины Владимира, пгт Летичев Хмельницкой обл.

Конкурс «Надушенное яблоко». Юрий ГАЛИАКБАРОВ

И. С. Чижа — патриот, семьянин, труженик

рифів як своєрідного бар'єра для імпорту чужих товарів?.. І наскільки збільшитися у нас армія безробітних внаслідок такої незрозумілої поблажливості для чужих виробників? Лідеру партії «Справедливість» Івану Чижу не присущ компліментарний, а тем більше угоднический стиль. Он займає взвешену, спокійну, адекватну позицію, рукопродовствує програмними установками партії».

Юрий ОКЛАДНОЙ, Харьков

«Читать статью А. Минаева без омерзения и негодования нельзя. Статья изобилует банальными изречениями, которые свидетельствуют о предвзятости ее автора.

12 сентября 2006 года произошла смена председателя Госкомитета по

телевидению и радиовещанию Украины. Иван Чижа был освобожден от этой должности по собственному желанию. Вспомните, что попытку отстранения И. С. Чижа от должности, предпринятую Президентом Украины в марте 2005 года, с треском провалил парламент. Будь на то воля Ивана Сергеевича, он и сейчас оставался бы на этом месте. Он профессионал, прошел все ступени служебного роста. А начинал трактористом в родном селе. И какие бы должности ни занимал, Чижа всегда гордился своими крестьянскими корнями, никогда не утрачивал связь с людьми.

После 1991 года Ивану Сергеевичу не надо было гадать о своей дальнейшей деятельности. Он выбрал путь выразителя чаяний ограбленного и униженного народа.

В статье подвергается критике административная деятельность Чижа в партии. Мол, чурался черновой работы, все перекладывал на аппарат партии. Это глупости. Во времена, когда он возглавлял политисполком, аппарата как такового в партии просто не существовало. И все документы к заседаниям, аналитика, организационные вопросы ложились на плечи Ивана Сергеевича. Плюс ко всему колоссальная занятость работой во фракции СПУ. Подавляющее количество заявлений фракции подготовлены именно И. С. Чижом. Да и выступления с трибуны парламента, всегда актуальные, острые, глубокие, никто ему готовенькими в папочке с розовыми тесемочками не подносил.

Я как член политсовета СПУ был участником заседания, когда в стиле Хрущева, без объявления в повестке

дня А. А. Мороз предложил освободить И. С. Чижа от должности первого секретаря политсовета СПУ и избрать на эту должность И. В. Винского. При этом не было сказано ни слова о причинах таковой постановки вопроса. Просто отстранить — и все! Совет был шокирован, возмущен. И только когда сам И. С. Чижа, для которого авторитет А. А. Мороза был непрекращаем, попросил не создавать проблему и проголосовать, как просит Мороз, решение состоялось.

Находясь в должности председателя Госкомтелерадио Украины, И. С. Чижа спас государственные телеканалы от приватизации. Спасена от захвата в частные руки и система книгоиздания. Как будет дальше — увидим».

Евгений ШАРДИН, ветеран труда, Киев

И. С. Чижа

Дмитрий Медведев: Писать для Глюкозы не буду

В самом конце прошлой недели состоялась встреча первого вице-премьера правительства России Дмитрия Медведева с российскими писателями. На нее был приглашен и креативный редактор «Собеседника», известный поэт и прозаик Дмитрий Быков. После чего Дмитрий Львович передал в родной еженедельник свой отчет об этом давно зрелищем разговоре российской власти с писателями земли русской.

Эта встреча предполагалась еще на Пекинской книжной ярмарке, но тогда помешали китайские церемонии. Я на эту ярмарку не поехал, потому что работы было много. Но очевидцы рассказывали, что писатели очень долго ждали Медведева, их совсем разморило, но они ужасно хотели сказать ему о чем-то наблевшем. Он вошел, всем кивнул, и его сразу увели кого-то привествовать. В общем, осадок остался.

— Я хочу, — сказал Медведев в самом начале встречи, — особенно подчеркнуть, что у меня нет никакого дополнительного мотива. Только осуществление того, что по разным причинам не удалось в Китае.

Писатели охотно поверили бы ему, потому что не поверить Медведеву вообще трудно. Он прост, доверителен и начисто лишен аффектации. Путин в этом смысле держится загадочней и напряженней. Думаю, это профессиональное. Разведчику положено, а главе ФСБ тем более. У Медведева совсем другой бэкграунд — он юрист. Когда разведчик что-то скрывает — это нормально, а когда юрист — подозрительно. Поэтому он открыт, по крайней мере внешне.

Правда, во встрече с писателями все волей-неволей ищет дополнительный смысл. Медведев сегодня на всех каналах, его передвижения отслеживаются внимательно, чем личная жизнь Пугачевой и Абрамовича, и либерала возлагают на Дмитрия Анатольевича серьезные надежды. Они понимают, что Касьянову не светит и выбирать надо из того, что есть. Все это писатели обсуждали, толпаясь в предбаннике Каминного зала ЦДЛ. Там теперь ресторан, а раньше был парком. В этом паркоме заседал когда-то папа Дарья Донцовой, видный литературный функционер Аркадий Васильев. В этом же помещении выжили из Союза писателей Виктора Ерофеева и Евгения Попова — за

альманахах «Метрополь». По логике сюжета, теперь их надо было бы в этом зале принять обратно, но, к сожалению, это уже произошло в 1991 году в каком-то другом помещении.

Писатели представлены Василием Аксеновым, Владимиром Маханьким — что-то у меня пошло в ритме «Кому на Руси жить хорошо», так что я в нем и продолжу; Поповым, Ерофеевым, литкритиком Архангельским, его коллегой Немзером, Натальей Ивановой и Дарьей Донцовой (без мопсов, к сожалению); Успенским, Агеносовым, Слаповским, Буниновичем, Гуцко, Романом Солнцевым, Бородиным и Веллером, еще был Дмитрий Липскеров и Славникова тож. Из поэтов присутствовала Римма Казакова, из главных редакторов — глава «Литературной газеты» Юрий Поляков. Вашего покорного слугу тоже позвали, спасибо большое. От агентства по печати и информации присутствовал Михаил Сеславинский.

Вас, наверное, интересует меню. Меню, товарищи, было превосходное. Была красная икра (к ней прилагались блины), салат из крабов, красная рыба, что-то такое с баклажанами (далеко было тянуться), картошка с селедкой и грибами. На горячее богатый выбор из четырех блюд. Потом маленькие пирожные и ягоды. И водка, к которой Медведев не притронулся. Зато маленьких пирожных он съел два. А я три. Писатели ели, а сами пристально смотрели на соседей, надеясь вставить их в очередную роман или пасквиль. Писатель, даже самый дружелюбный и разнеженный вниманием властей, всегда остается на посту.

Медведев появился внезапно и не пафосно. Он сразу пригласил всех к столу и предложил не стесняться. Первым перестал стесняться Эдуард Успенский. Он торопился на радиопередачу, а потому не мог ждать. Вообще стандартный писательский вопрос больше похож на монолог и строится, как правило, так: «Вот я недавно ездил в (следует название страны), где у меня вышла книга. Меня прекрасно принимали, мою книгу хорошо покупали. И вот я подумал...» (следует вопрос — как правило, что-нибудь о государственной заботе).

— Вот я сейчас поеду на радио, у меня там передача, — сказал Успенский. — И я думаю о телевидении. Наше телевидение учит убивать, прятать трупы... Разве это хорошо? Ведь дети смотрят. Может быть, власть может что-нибудь сделать?

Не думаю, что Успенский хотел вернуть цензуру. Скорее он хотел вернуть программу «В нашу гавань заходили корабли».

— В интернете можно через пару кликов добраться даже до более опасной информации, — сказал Медведев. — Я вот сейчас занимаюсь проблемой перевода телевизора на цифру. И скажу вам, что тогда государство окончательно утратит возможность влияния на телеканалы. А сейчас оно влияет всего процентов на пять. Только на новости.

Он еще немного поговорил про интернет — про то, что это очень опасно, конечно, и что там много дряни, но не отказываясь же мы от него. Я очень обрадовался, что не отказываемся. После этого разговор перешел на библиотеки. Наталья

Иванову волновало состояние толстых журналов и в особенности почтовые расценки — почта выступает монополистом и задирает тарифы, как хочет. А толстые журналы — наш родной феномен, и больше их нигде нет. Судьба библиотек тоже очень волновала всех писателей. Казалось, они долго ждали случая спросить основного преемника именно о библиотеках. Медведев обещал не упускать эту проблему и обеспечить библиотеки свежей хорошей литературой.

Среди всей этой культурной проблематики внезапно не выдержал последний букернат Денис Гуцко — человек молодой и горячий, родом из Ростова. Он спросил Медведева, как можно терпеть в стране агрессивный национализм и не стыдно ли нам вместе, стране, победившей фашистов, наблюдать все это у себя. Нет ли какой-нибудь программы действий, и вообще.

— И надо ли запрещать так называемый «Русский марш»? — встрял я. Медведев честно сказал, что смотреть стыдно. Доморощенских нацистов он назвал уродами. Наталья Иванова встала, что у них нет никакой идеологии.

— Вот тут я позволю себе с вами не согласиться, — позволил себе не согласиться с ней Медведев. — Они считают себя идейными людьми. Ровно как и те герои, которые были на самом деле просто террористами. Я имею в виду бомбистов, народолюбцев и так далее... И присяжные, кстати, тогда их тоже оправдывали, как в наше время оправдали убийц девочек...

— Меня в Америке вербовали в присяжные, — доверительно признался Аксенов. — Я всякий раз ум-

дрался этого избегать. И пронаблюдал, кто куда попадает. Только те, кто не сумел отвертеться. Самые тупые, ленивые и необразованные.

— И все-таки, — сказал первый вице-премьер, — как юрист я не отменял бы суд присяжных.

Когда начала говорить Римма Казакова, я очень быстро перестал улавливать нить ее мысли. Мысль скакала причудливо, как это и присуще поэту, вольной дочери эфира. Начала она с того, что ее очень раздражает уровень современной поп-культуры. Максим Галкин, сказала она, — это вообще ниже школотки!

— Ниже пинтуса, — поправил Сеславинский.

— И эта Глюкоза! — продолжала Казакова. — Вы послушайте, что она поет! «Я буду вместо, вместо, вместо неЕ твоя невеста, честно, честное Е!». Что это такое?!

— Дмитрий Анатольевич, — не выдержал я, — напишите, пожалуйста, нормальный текст для Глюкозы. Ну невозможно же!

— Сам я не буду, — сказал Медведев с мягкой улыбочкой, — но в администрации президента есть специалист, я его попрошу.

Дальше Казакова заговорила о писательской собственности. Тема собственности задела писателей за живое. Все заговорили о том, что отняли даже Дом литераторов, в котором теперь вот ресторан.

— Раньше сюда сходились прекрасные люди, — заметил Ерофеев. — Приходили демонстративно в красных рубашках. Ругали советскую власть. (Про красные рубашки я, если честно, не понял. Если ругать советскую

власть — так это, наверное, не демонстративно, а, наоборот, для маскировки. — Д. Б.) А теперь писателям негде сойтись, поругать вас...

— Как вы думаете, Виктор Владимирович, — задумчиво спросил Медведев, — а ездил бы вы по миру так много, если бы все было, как раньше? И Дом писателей, и поликлиника, и писательские привилегии... а?

Все дружно стали убеждать вице-премьера, что свобода и поликлиника — вполне совместимые вещи. Но, кажется, убедили не до конца.

— Вот в Китае государство платит писателям, — сказал он melancholично. — Но только тем, кто прошел идеологическое сито...

Все опять зашумели, выражая готовность немедленно слезить в это сито. Клянусь, я даже услышал слово «госзаказ».

Вице-премьер, кажется, был несколько удивлен этим ностальгическим порывом. Он рассчитывал, что у него потребуют свободы, но свободы никто особенно не хотел. Все выражали готовность послужить государству.

— Когда вами руководили, вам не нравилось, когда не руководят — тоже не нравится, — сказал Медведев грустно.

Я смотрел на все это с тоской, и остальные, по-моему, тоже. Было ясно, что задать какой-то главный вопрос мы все не можем, потому что и задавать его бессмысленно. Я, кажется, понял определенную черту новой российской власти. Все прежние российские писатели — ну почти все, исключая, может быть, Александра Третьего, — очень хотели что-то тут изменить. И только нынешняя власть поняла, что ничего изменить нельзя, а потому все останется, как было. И на лице у этой власти — даже когда ее представлял молодой, как Медведев, — написано усталое всеведение. Видно, что все они там приличные и даже, возможно, хорошие люди. Но история идет своим ходом, генетическим кодом, и сделать с этим ничего не получится.

— Дмитрий Анатольевич, — сказал я, — не думайте, пожалуйста, в своих книгах мы все не такие нудные. Он кивнул, но, кажется, не очень поверил. И все закончилось.

Хорошо бы он стал президентом. Добрый, терпеливый человек.

«СОБЕСЕДНИК» для «2000»